Знакомство

Я — таксистка. Но только вы не подумайте, что я вожу машину. Водить-то я, конечно, умею,— как же это в наше время не уметь? — но вот лапы коротковаты, чтобы с рулём сладить, поэтому я смотрю на дорогу и руковожу процессом. Так что не поэтому. А потому, что порода у меня такая. Я, конечно, собака в первую очередь, но кто ж себя, породистых, простыми собаками обзывать будет. Поэтому мне и название такое дали — таксистка.

Подружки у меня тоже интересные. Одна — француженка до кончика вдавленного носа; по-французски говорить она не умеет, правда, уши свои растопырит и гоняет по двору туда-сюда, туда-сюда. Второй — китаец хохлатый, но тоже по-китайски ни бельмеса. Весь такой лысый, а на голове и хвосте волосы редкие торчат. Что за мода? Глаз не видно, зато все бока наружу. Нет, не понимаю этой моды. Ещё две шавки ходят постоянно вместе и истерят по любому поводу. Ну, оно и понятно: породы никакой, манер никаких, одним словом — истерички.

А я — красавица! По крайней мере, так моя хозяйка говорит.

Сижу, как говорится, никого не трогаю, а они по комнате ходят и бубнят чего-то. Думаю: никак про меня гадости очередные друг другу рассказывают? А они кличку мне выбирают. Нет, вы их видали? У них, значит, имена, а у меня, породистой, кличка какая-то. И тут этот большой, с бородой,— самец, думаю,— своими пальцами толстыми в мою сторону тычет и говорит: «Давай её Ириской назовём». Я на него так недоверчиво посмотрела: сбрендил, что ли,— породистых собак конфетами обзывать?!

А хозяйка головой кивает и улыбается: нравится ей, значит, она всегда так своё одобрение выражает. Ну, приехали, думаю. Начала лаять, выражая своё несогласие. А они решили, что я так радуюсь, вот черти окаянные, ничего в иностранных языках не смыслят, а ещё считают себя самыми умными на Земле. Ну какая я вам конфета, скажите на милость? Я Матильда, не меньше, или Марго, или Жозефина, или Розетта, на худой конец. А меня с конфетами смешали, нелюди. Бородатому, видите ли, по цвету моему на лапах я сладости напоминаю.

А потом хозяйка вообще того. Напридумывала мне кучу имён — поди разберись тут, как меня зовут. То я ей Ириска, то Сосиска, то Колокольчик, то Пупырушка, то Крыса какая-то. Минуточку, позвольте: это что ещё за крыса? Видела я этих крыс — жуткие и неприятные. И какие они мне родственники?! А она одно: «Как Ириска на крысу похожа».

Нет, сыр я, конечно, безумно люблю, даже некоторые команды ради него выучила, особенно это жуткое «бах». Вы не умеете так? Ну, это когда лежишь, а потом на тебя палец вот так наводят, как пистолет, и делают вид, что стреляют, а сами выстрел голосом изображают, а ты делаешь вид, будто умерла. Да я актриса, между прочим, знаете какого уровня? Мне Оскара за лучшую женскую роль подавать надо! Как я умираю! Вам обязательно надо прийти и посмотреть, этого так просто не опишешь.

Ну, сначала я по доброй воле умирать готова не была. Это ж где видано, чтоб здоровые собаки на ровном месте сами помирали?! Да ещё столько костей не закопано, столько корма не съедено, столько пряников со стола не свистнуто — трудиться да трудиться. А она мне одно: «Бах!» — и глазами так на меня зыркает: мол, чего тупая-то такая? Да поняла я тебя с первого раза, если чего, просто мне ещё жить да жить. Это потом, когда она мне пармезан показала, я смекнула, что к чему, что умирать можно и понарошку. Так бы сразу. За российский или брынзу я бы ни за что, а тут довод весомый! Ну и «бахнула» я. Ух она рада-радёшенька была, так в ладоши хлопала, что я даже немного покраснела; правда, она и не заметила. А потом бородатого притащила и давай со мной такое вытворять! То «лежать», то «сидеть», то «голос», то «лапу». Ну, я быстренько отстрелялась и награду жду, и тут снова это «бах». Я и задумалась. Счётчик тикает, оплаты нет; а вдруг и за последнюю команду премии не будет? Ну и замерла я, жду. И они ждут.

«Я ж говорю, что она тупая»,— вставил бородач. Ничего не смыслит в бизнесе, венец эволюции, а ещё разумное существо. Ты ж работнику сначала дай положенное, а потом другую работу требуй.

И хозяйка поняла, что к чему, кусочек мне протягивает. А бородатый так недоверчиво на меня смотрит, даже лёгкое презрение в его глазищах уловила. Сейчас-сейчас у тебя челюсть отвалится, радуюсь сама себе и выполняю команду. Одинноль в пользу собак, Фомы неверующие.

Вот так я люблю сыр. Но не обзывать же меня после этого?! А они тогда кто? Жуют морковку с капустой, сыр тот же, особенно бородатый его часто ест, мёд там. Мне что же, их теперь крысокроликами звать?

Тьфу на вас. Потом и другие подключились. Кто Бусинкой обзовет, кто Девочкой; я уже со счёту сбилась, сколько у меня прозвищ. А как-то по телевизору показывали дядьку и долго его называли, там этих имён было—жуть. Хуан Карлос Гарсия чего-то там ещё. Может, я тоже из благородных кровей? Может, мне тоже зваться Ириска Сосиска Колокольчик Пупырушка Бусинка Девочка Крыса? Хотя лучше без Крысы, думаю. Точно, без Крысы.

А по поводу Оскара я не шучу! Знаете, как я сыграть могу, что любой мне быстренько поверит?! Однажды я соседку встретила, у которой иногда гощу, так уж такая радость моё сердце встрепенула. Я за ней до дверей, а хозяйка следом, думаю, пусть идёт, раз уж хочется в гости со мной. А соседка дверь прямо перед носом захлопнула и была такова. Я решила, что она это случайно, второпях сделала, стою, ожидаю, значится, когда мне откроют, а моя тянуть меня удумала. И от дверей так отваживает, домой направляя. Я свободная личность! Где хочу, там пороги обиваю!

А Ольга не открывает—видимо, с замком проблема какая вышла. И тут хозяйка меня взять надумала. Я судорожно соображаю, что ж такого придумать скорее, чтоб она меня выпустила, и как завоплю не своим голосом, она меня сразу на землю и поставила. Смотрит удивлённо, будто чего у дорогуши её болит, и глаза такие слезливые.

Я сразу поняла, в чём её слабость, ножку так подогнула и хромать начала, чтоб она меня больше на руки не тянула. Ишь чего удумала! А сама у двери блюжу: вдруг откроется заветная?

Не отворилась. И я домой побрела, не забывая прихрамывать. А потом и забыла про лапу свою, а когда в тазик мыться ставили, и вовсе крики свои истошные не повторила, о жизни размышляла. Хозяйка брови удивлённо вскинула, но промолчала. Думаю, она догадывается, но время покажет.

А вот с интеллектом у этих бесшёрстных беда. По-своему лопочут, я сначала разобрать не могла, а потом ничего—привыкла. А вот они—глупые существа. Я ж вот их язык почти весь освоила, понимать могу, а говорить не очень-то получается. А они меня совсем не понимают, уставятся своими глазищами и смотрят, а я им интересный случай из жизни рассказываю, так они «фу» кричат, шикают на меня. Глупенькие! Английский они учат. Фи. Лучше бы собачий выучили, раз со мной живёте. Уже как четыре года вместе, а ни одного слова не выучили. Тупые, как пробки.

Ещё у этих моих дед есть. Препротивненький такой дед: шикает на меня постоянно, гоняет, да что там—гадости про меня всякие говорит. Вот вы «Собор Парижской Богоматери» читали? Я смотрела, если что. Так там Квазимодо есть, страшный такой—жуть. Вот дед ихний меня Квазей зовёт. Нет, вы видали? Квазя! Какая же я Квазя? Если уж и выбирать, то Эсмеральда, не меньше!

Тува

Мои-то—путешественники. Упрутся куда на месяц-другой—ищи-свищи, да ещё и меня в известность не ставят. Отведут к соседке и—тю-тю без меня красоты смотреть. А я такая обрадованная соседке и её мужу, уж такие люди хорошие, такие добрые. Котлетки у них ем, яишенку, пузо гладят, за ухом чешут. Любовь у нас обоюдная. Так вот, я им такая обрадованная, что не замечаю, когда мои потихоньку смываются, и всё—с собаками не найти. Ни мне одной, ни с подружками моими. А потом объявляются как снег на голову—и ну тискать. А я как-то и подзабываю, что дулась немножко. Это кто ж не хочет по морям-океанам плавать да в палатке жить? Места привольные, звери дикие, туалет повсюду. Красотища. Хочешь—кость зароешь, хочешь—чего-нибудь отроешь.

Но, бывает, и берут меня с собой. Вот недавно натолкали в машину вещей, что дышать нечем стало, и сидят такие радостные. Я на коленях, значится, как обычно, за рулём. В окошечко смотрю-посматриваю, чтобы всё правильно было. Носом в стекло упрусь и еду. Ну а когда жарища, то вообще вольготно: морду из окна высуну—и уши по ветру.

Сначала путешествие наше ничего так, нормальненько было. Озёра разные, травушка зелёная, песочек. А потом мои зачем-то в горы полезли. Жара несусветная, мозг плавится, лапы в дым стёрла, пока вверх ползла. А они со смеху покатываются. Ага, легко смеяться, когда у самих лапы такие длинные, что ступишь раз, а мне семь приходится семенить. А потом хозяйка меня в рюкзак запихнула. А мне уже по барабану, только бы самой не шлёпать. Пусть смеются, лишь бы несли.

Бородатому всё неймётся ехать дальше и дальше. И притащил нас неведомо куда в тридесятое царство. А там все люди пчёлами накусанные. Глаза такие узкие. У хозяйки тоже такие глаза, когда она на солнце щурится. Потому она очки тёмные носит. Надо бы этим подсказать по поводу очков. Хотя они и в темноте с прищуром. Глядят на тебя так хитренько, словно удумали чего, и пялятся все, будто собак сроду не видали. Мне сначала внимание это льстило, конечно, но потом поднадоело. Особенно когда дети, пока

хозяйка не видит, меня за хвост тянули да за бока пощипывали. Я кусаться не люблю, если честно, но была на грани. А один мужик вообще не в себе, подошёл такой и говорит:

— У вас собака болеет, да? Чего такая длинная и страшная?

У меня чуть хвост от удивления не отпал. Это он про меня, что ли? Сам болеет, вон у самого глаза скоро слипнутся. Такой красоты не рассмотрел!

Огород

Ещё у моих дача есть, ну, не у них прямо — у деда этого противного. Я тоже иногда в гости туда наведываюсь на хозяйство. А у них постоянные правила: гнилые яблоки не ешь, мышей дохлых в пасть не бери, цветы не жуй, в доме дачном в туалет не ходи. Всё самое интересное запрещают.

Весной, как водится, приезжаю на дачу сажать. Мои огородик рыхлят, лунки делают, а я рядом помогаю. Вот хозяйка семена морковочки в ямку плюх — и закапывает. Ха, кто ж так закапывает?! Подбегаю и показываю: вот как надо. А она чуть не в обморок. За шкирку с грядки — и ругается. Чего ругаться-то, неумеха? Сама не знаешь как, так совета у мастера спроси, то есть у меня. Я знаете как кости закапываю! Закачаетесь. Иногда так закопаю добротно, что сама найти не могу. Но это признак мастерства!

Пару раз попробовала ей объяснить — отшлёпали и выгнали с позором. Ну и ладно, ковыряйтесь сами со своей морковкой.

А бородатый землю копает, да много так, целый огород. Неужто кость спрятал и забыл где? Я подкралась и наблюдаю. Сантиметр за сантиметром перекапывает. Точно, забыл. Вот потеха, а ещё надо мной смеются, что у меня память короткая. Я решила тоже поучаствовать в поисках. Копала от души, только комки в стороны летели, а потом что-то увлеклась, ничего не помню. Очнулась в большой яме вся в грязи. Чувствую, сегодня стирать меня хорошенько будут, причём стирка будет далеко не бережная.

А вообще, надоела хозяйка со своими собачьими постирушками. Как что — тащит в ванную и давай намыливать туда-сюда. Бр-р-р.

Я как-то на картошке была. Ну, все копали, я тоже не отставала. Смотрю, яму хозяйка роет и чего-то оттуда выковыривает. Ну, я к ней. И давай копать, в такой азарт вошла: лапами гребу, зубами помогаю. Много выкопала, штук десять. А они снова не рады, кричат, что я всю картошку им зубами своими попортила. И прогнали меня. А я ж уже остановиться не могу — и давай картофелины из дедова ящика хозяйке таскать, чтоб у неё побольше было. А они снова кричат. Да мне медаль за собачий труд давать надо, причём в двойном размере! Глупые они, как пробки, говорю же.

Суслик

Вот что-что, а гулять я очень люблю, только когда на улице дождя нет, и когда тепло, и когда ещё ветра нет, и когда не мокро, а в остальное время — пожалуйста. Выехали как-то на природу, идем с моими, травку нюхаем, территорию метим. Вернее, они идут, а я всё остальное. И тут вдруг вижу — кто-то стоит. Я к нему, а он вжик — и в норку. Ну, я туда следом, а норка маленькая. Нас просто так не возьмёшь, у нас лапы о-го-го какие есть. У меня третий разряд по копанию. Расковыряла вход и голову туда, а там темно и ничегошеньки не видно. А этот мне сбоку откуда-то свистит. Нет, брат, думаю, не обманешь, я всё равно до норы твоей доберусь.

Голову-то засунула, а обратно она не выходит. Бегаю, как дурочка, вокруг норки с головой внутри, как страус какой, а уши освободиться мешают. Раза два по кругу пробежала, а вылезть не могу. И тут я оттолкнулась.

Хозяйка потом подружке своей рассказывала про меня. Смотрю, говорит, бегает попа с хвостом вокруг норки, а голова под землёй. А потом вообще вертикально встала, я её еле поймать успела, чуть себе шею не свернула. Вот прямо так и рассказывала. Я, оказывается, на краю гибели была. Мне после таких страстей двойной ужин положен, ну или хотя бы хороший одинарный из рыбки или говядинки какой. А они сыпят корм сухой в миску и радуются. Себе бы насыпали и ели, а то положат в тарелку курочку или форельку и трескают. С бородатого где сядешь, там и слезешь, а вот от хозяйки перепадает вкусненькое.

Я такой взгляд научилась умильный делать, что она устоять не может и бросает мне вкусные кусочки. А если взгляд не работает, в ход идёт режим «педалька». Это я сама придумала, если что, уж интеллекту хватило. Сидят они за столом и вид делают, что глаз моих грустных не заметно, я тогда лапой на ногу самке нажимаю, включаю, так сказать, и тут уж мне снова в пасть лакомства попадают, пока у неё в тарелке еда не закончится. Я, конечно, стараюсь за столом себя сдержанно вести, чтоб не шикали, но как и план Б не срабатывает — пиши пропало. Тут я за себя не отвечаю. Ну не могу я спокойно смотреть, как эти бесшёрстные сами лопают, когда в доме третий человек есть! Ну, не совсем человек, но индивид — точно! И тут я как давай возмущаться! Сначала поговорю немного, а госпоже этой, или как её там, смешно, она даже видео снимала, как я нараспев пытаюсь чего-то донести. Платите актёру, кровопийцы! Мы, таланты, нуждаемся в достойной мясной оплате, ну, можно и конфетами, конечно. А как терпенье лопнет, так уж сил нет, как поорать хочется. Набираю воздуха в лёгкие — и тройное «гав», это значится: «Давай скорее, жадина-говядина». Учитесь-учитесь, пока я живая, на первый взгляд язык простым кажется.

Это вы, люди, думаете, что у нас одно слово. Фикушки! Хотя стоп! Одно всё-таки, но в разных вариациях, прислушиваться надо, чтоб понять, интонация там разная, произношение, момент произнесения. Да много там чего!

А бородатый вечно: «Чего ты её со стола кормишь? У неё в миске еда есть». Позвольте, что ж это за еда? С виду керамзит, а вкуса вообще нет никакого, только хруст один на квартиру стоит. Вот так нахрустишься, водицей свободное место придавишь, лежишь, а сухари эти в желудке набухают. Обманывают честной народ на ровном месте, кормят чёрт пойми чем. Черти! А я только и достойна, что грудинки или шейки свиной, ну, ещё вырезка говяжья подойдёт или шашлык из баранинки.

Пылесос

Я вот в доме хозяйка: как лягу, так и будет! Вот честное слово! Хочу—на кровати сплю, хочу—на личном диванчике снам чудесным предаюсь, хочу—на коврике в ванной валяюсь, уж очень он мягкий, по мне, хочу—под диваном в личном схроне. У меня там и склад даже небольшой имеется. А как же? Всё своё храню с собой! Игрушки там или корм какой припрячу, а порой и самое ценное попадается—коробочка из-под чего-то. Ох уж я охоча до этих коробушек, я их, миленьких, на меленькие части распотрошу. Эти люди не понимают, какое им счастье приваливает, когда они коробки домой тащат, а я от радости чуть на ковёр не писаю. Это ж коробка! Хозяйка иногда мне такой подарочек подбрасывает, а я рада до беспамятства. Упаковку от зубной пасты в логово затащу—и давай кусочки откусывать, пока она и вся не выйдет. Думаете, я не в своём уме?! Ха, да вы сами попробуйте, вас потом за уши не оттащить. Это одно из моих хобби, если что. Да-да, я разносторонняя личность.

И вот сплю я себе весь день напролёт, пока эти хозяева мне на корм зарабатывают. Я ж должна быть всегда в форме, поэтому отдыхаю постоянно. А как вы хотели?! Моя форма по-научному цилиндр называется, так я ж её поддерживать должна, чтоб она без вмятинок была. Со спиной вот проще, а на животе иногда спад происходит, так срочно наедать надо, чтоб ровненько всё было, что сверху, что снизу.

Кстати, не знаю, как у вас, а у нас в квартире чудище живёт. Оно в основном тихое и спит в углу, видимо, чтобы набраться сил, а потом зареветь, как самолёт. Полундра! Оно рычит на всю квартиру, как раненый зверь, и носом своим бегает по полу. Сердце в пятки, а этим ничего, одна спокойно за компьютером сидит, даже бровью не повела, а самец за нос чудовище схватил и следом за ним по комнате тащится. Я сразу поняла, что они сообщники. Но кто дом должен защищать?! Конечно, я! А как тут без лая, когда оно жужжит так громко?

Я бросаюсь от него, занимая удобную позицию на кухне под столом, как в окопе на войне. Главное, напасть, когда враг не будет ждать этого. Сердце бешено колотится, чудище повсюду, оно заполняет собой дом. От страха и нетерпения выскакиваю из укрытия и стараюсь как можно громче лаять, оставляя за собой место для отступления. Монстр видит меня и устремляется в мою сторону. Ой, мамочки, держите меня, прячьте меня, еле на лапах стою. Он же жрёт всё этим носом своим. Я своими глазами углядела, как он из-под дивана мой припрятанный корм уволок в свой живот прозрачный. Прямо вж-ж-ж-ж-ж-ж—и нетути ничегошеньки. А теперь на меня нацелился, я же такая же вкусная, как красивая, от носика и до хвоста. Мама дорогая, он так ревёт в мою сторону и ест даже моё «гав» свои рёвом, что я и себя, родненькую, слушаю, да не слышу. А этот бородатый смеётся, что с носом заодно, да в мою сторону неторопливо продвигается. Один выход—ноги самки. Как за них спрячешься, так знай: спасенье обретёшь, она в обиду этому узурпатору бородатому не даст. Отгонит его подальше или меня на спокойненькое место перенесёт, где вж-ж-ж-ж-ж-ж-ж-ж-ж-ж-ж меньше слышно. Ничего она такая, я иногда даже любить её начинаю, что ли.

Гости

Вот вы писаетесь от счастья, когда гости к вам приходят?! Молчите? Стыдно признаться, значится. А мне не стыдно вовсе! Я ж такая радостная, что ничего в себе удержать и не могу, ни радости, ни гадости. И вот где была, там и своё счастье неказистое всем являю. Не-е-е-е, конфузюсь, конечно, для приличия, чтоб по загривку не схлопотать, а хозяйка за тряпку быстрее хватается и давай пол намыливать, где местечко ещё тёпленькое. А я уже на диване гостей дорогих облизываю, я ж гостеприимная, не то что рыбы в аквариуме, холодные и молчаливые. Я—сам огонь! И норовлю любовь свою поцелуями горячими выказать, да почаще в лицо, чтоб прониклись моей страстью.

А иногда и сама в гости хожу, к деду и бабушке, это подруга у него такая. Оказывается, люди парами в квартиры селятся, я сама додумала, и живут там вместе, а собак по раздельности держат. Я недавно с бабушкой «Великолепный век» глядела, так там у одного дядьки этих подруг о-го-го сколько и квартира такая огромная! А собаки ни одной. Нет, вы представляете? Как это без собаки-то? А подружек своих называет «первая жена», «любимая». Я тут подумала: коли я одна, значит я и «первая», и «любимая», получается? В зеркало на себя насмотрелась, ещё и «неотразимая» оказалась. А дед себе только одну жену выбрал, наверное, потому что квартира не такая большая.

Так вот, прихожу к пращурам, и только дверь открывается, я участвую в забеге: от двери до кухни

за три секунды. Мои ещё порог не переступили, а я уже обратно, пытаясь не расплескать на бегу жидкость внутри. Уж не могу объяснить, чего я такая радостная, да только эмоции через край так и льются, да порой с такой силой, что удержать их внутри себя мочи нет. Ну, не виноватая ж я, что филантроп по жизни, что всех людей обожаю, даже деда этого?

А вот с бабушкой дела можно иметь: и приласкает, и подкормит, и подчешет. А дед только поддать горазд, всё пнуть да стукнуть грозится; правда, пока до драки не дошло. И вот кручусь возле ног, отбивая хвостом ритм по ножке стола, чтоб не забывали про голодающих, а сама поджидаю. Мне ж теперь с двух сторон глядеть надобно, откуда манна небесная прилетит: с одного края—хозяйка, с другого—бабушка. Я вообще поняла, что ставку делать на женский пол надобно, вот их и окучиваю. И тут мне на хвост нога опустилась, я как заверещу на всю квартиру. Нет, больно, конечно, но обида громче в голосе звучит. А бабушка за сердце хватается от испуга. Чего охать-то?! Это я—жертва обстоятельств! Мне на хвост гипс накладывать срочно нужно! Это я страха такого натерпелась, что его придётся не один день колбасой заедать, а то и того больше—к психологу после травмы такой!

Какой хороший человек придумал домофон! Да я расцеловать его готова! Вот когда без стука сразу дверь открывается, тогда только пару раз полаять удаётся, со звонком поинтереснее, а вот с домофоном вообще красота. Пока этот домофон названивает, я громко кричу: «Хозяйка, открывай, открывай скорее»,—и бегаю нетерпеливо от двери до кухни, пытаясь угадать: ну кто же это в гости ко мне наведаться хочет? Такое возбуждение, аж дух захватывает, пока этот кто-то на лифте поднимается, а я кричу как сумасшедшая, сходя с ума от нетерпения. Кто же, кто же, кто же? *Кто же??? У-у-у-у-у-у!!!*

Прислушиваюсь, замерев в стойке с вытаращенными глазами и стоячим хвостом, а тут кто-нибудь входит. Я для приличия ещё пару раз полаю да бегу быстрее корм доедать. Это ничего, что до этого он стоял весь день нетронутый, это мне раньше неинтересно было. А как сейчас гость голодный бросится к миске мою еду трескать?! Э нет, дорогуши, я ваши глаза прожорливые с порога увидала. Мне форму держать дóлжно! В завтрашнем дне никто не уверен, кризис нынче по стране гуляет, говорят, потому под диван несколько пастей припрячу. Это у вас горсти, а у меня рук-то нетути, приходится пастями мерить. Сколько унесёшь, столько и будет.

А иногда ждёшь в позе предвкушения гостя какого интересного, а не идёт никто. Вот потерялся, что ли, этот кто-то меж этажей или зашёл к другой собаке, чтоб его. А вот нет его—и баста. Я тогда у порога с подпрыгивающим сердцем ещё полчаса прислушиваюсь, не слышны ли шаги. А хозяйка всё повторяет: «Это не к нам, соседи ключи забыли». Ох, доведут меня до белого каления эти соседушки, я, может быть, уже настроилась на гостей, черти такие.

Вы вот какими духами пользуетесь? А я только натуральное приемлю! «Какашенель», «Нина Птичи», «Кэвин Падаляйн» или «Пометши». Как учую запах одного из ароматов на тротуарчике, сразу спину выгинаю, хвостом кручу и вокруг начинаю круги нарезать, это ритуал у меня такой, для неосведомлённых объясняю. А хозяйка тут как тут, когтерезка ей в печень, грозно так «нельзя» своё вставит посреди предвкушения—и финиш. А вот когда не усмотрит, чем это я там нынче занимаюсь, так одно ушко надушить можно, а то и два. Уж тогда я знатно на всю округу благоухаю, иду довольная да по сторонам головушкой кручу-верчу: смотрите и наслаждайтесь моим парфюмом.

Только людям-глупышам подобные запахи кажутся невкусными, они так брезгливо своё «фу» в тебя «плюнут» и носик поморщат. А моя дурёха вообще меня сразу в мыльню свою тащит да шампунями-гелями макушку мне трёт. Это вы после своих духов бы так и бежали отмываться, а не меня, модницу, ни за что ни про что в ванную эту мокрую сажать. А моет-то, моет до умопомрачения, что, кажется, на ушах и шерсти не оставит. Руки прочь от юной прелестницы! Говорю же, тупые, как пробки, ничего в классическом парфюме не смыслят.

Домашнее животное

Кстати, у меня есть домашнее животное, да-да, как у многих людей. Оно почему-то зелёное и в клетке сидит, но около моих мисок, так что я постоянно наблюдаю за этим. Кормит его, конечно, хозяйка, но это пока у меня своих карманных денег нет этого обормота обеспечивать. Сидит на жёрдочке своей цельный день и попикивает, а потом как начнёт зеркалом греметь, чтоб у него клюв отсох,—так вообще караул. Мешает спать нормальным собакам. Это ж где видано, чтоб средь бела дня шуметь можно, когда я почиваю?! Чего ему неймётся? А потом так в это зеркало своё уставится и давай без умолку трещать, я даже половины слов разобрать не могу. Надо бы хозяйке намекнуть, что у этого засранца с дикцией проблемы, шепелявит там что-то, начирикивает, а толку ноль. Я его сначала хотела как передатчик настроить, ну там словечкам человечьим научить, чтобы он им мои мысли передавал, да куда там, недалёкий попался. Занималась с ним неделями, а он на меня глазёнками вылупится и не моргает, типа слушает. А как я замолкаю, свою тарабарщину сразу включает. Тупой, как пенёк.

Я, бывает, хочу его разорвать на мелкие кусочки. Как клетку на пол опустят, я тут как тут.

Он за прутья лапами зацепится, а я зубёхами их пытаюсь откусить, да всё неудобно выходит, такие малюсенькие, что и зацепиться не могу, а он сразу на другое место перескакивает. Я в лай, взбудоражена чувствительная душа собачья, подайте мне его на блюдечке, я вмиг ему голову откручу. А хозяйка мне: «Ш-ш-ш-ш-ш»,—и клетку на место. А как тут успокоиться сразу? А он ещё сидит и победоносно на тебя свысока смотрит, как Цезарь какой. А потом болтать начинает.

Ну, слов немного разобрать удаётся: «привет», «Ричи», «Ириска», «хорошая девочка», «Ирочка», «где деньги», «птичка». А чего с ними делать-то? Мои-то умиляются с этого чёрта, яблочко ему подбрасывают, виноградик, сырку даже. Ага! Да у нас тут крысиное королевство с бородачом во главе! Куда коммунальщики смотрят?! В самом центре города, между прочим. Там что я дама центровая во всех понятиях.

А тут иду недавно мимо зелёного, а он прямо надо мной: «Мистер Крыса». Нет, вы слышите поганца? Научился гадкому слову, так хоть бы правильно. Какой же я тебе мистер? На минуточку—я представительница прекрасного пола! Это хозяйка меня иногда «миссис Крыссис» называет, а этот пень безухий на свой манер переправил, любит буквы «р» и «ч» и все слова с ними сразу повторять, как радио какое. Радуйся, что убежище твоё на подставке стоит, а у меня лапы коротковаты.

А вот хозяйка дрессировке поддаётся, она у меня несколько команд знает. С первой уже знакомы, это «педалька», вторая «глажка» называется. Это вот мне одиноко и хочется, чтобы приласкали, тогда я просто подхожу к ней, когда она читает, смотрит телевизор или сидит за компьютером, и на колени ей забираюсь. Это, значится, момент нежности настал. И уж тогда она меня наглаживать начинает, за ушком почешет, спинку помассирует, ну и прочие дела. Ещё она у меня знает команду «принеси». Удивляетесь?! Ну-ну. Я умею дрессировать людей! Так вот, иногда она забегается, что не увидит, как у меня вода в миске закончится, а пить-то охота. Я так около своей плошки сяду и лапой её по полу двигаю, чтоб погромче было. Она как увидит, сразу бежит водой её наполнять. Ничего она такая, обучаемая.

Неопознанные объекты

А у вас припадки бывают? Ну, когда вы бегаете за непонятной субстанцией, пытаясь её поймать, а она ускользает из-под самого носа и взмывает на полок или стену. У меня всё нутро трясётся от желания её пастью схлопнуть. Уж не знаю, что это такое, но оно появляется из ниоткуда и уходит в никуда. Не верите? Ну, некоторые догадки у меня имеются. Вот в первый раз со мною случилось это у бабушки. Мои на кухне еду ели, а я рядом крутилась, как водится, а тут брат бородатого из кармана что-то достал и в коридор пошёл. Ну, мне же интересно: вдруг кусок буженины? Выглянула из кухни, а там на полу огонёк красный дрожит. Он дрожит, и я дрожу: что это за невидаль такая? Я вообще, знаете ли, нервничаю, когда с неизвестностью сталкиваюсь, вот как на духу говорю. Аккуратненько решила к огоньку подкрасться, а он от меня на стену, я аж подскочила от неожиданности. А самой до жути интересно. У собак же главное правило—догнать убегающего. Мы же как полицейские, они тоже погони любят.

Бегала я за ним по коридору не помню сколько, очнулась, когда хозяйка ко мне подошла. Вид у меня, наверное, был неважнецкий, раз она решила, что у меня эпилепсия. Глаза навыкате, дыхание учащённое, пена изо рта идёт, и дрожу как осиновый лист. Она меня на руки тащит, а я упираюсь, надо обидчика наказать, раззадорили до жути. Красный враг пропал—видимо, ушёл других собак с ума сводить, а я ещё долго успокоиться не могла. А потом враги стали появляться отовсюду, только цвет, размер и форму сменили. Они бегали по полу, по стенам, потолку, по асфальту, скамейкам, даже в машину проникали. Они были вездесущи! Я видела их и сразу теряла бдительность, неслась как угорелая, чтобы взять хотя бы одного в плен, наказать его и понять смысл их существования. Но огни были плоские, они не брались в пасть, даже когда попадались рядом. Как я ни грызла скамейку, они оставались на ней, крепко въевшись в дерево. Иногда их появление можно предугадать. Мне удалось выяснить, что враги заодно с телефонами, зеркалами, очками, часами, но показывались не всегда, а только под определённым углом. Больше мне ничего неизвестно, но я работаю в этой области.

У нас квартира небольшая, я думала, в ней всё рассмотрела, а вот иногда нахожу странные предметы, которые раньше не видала. Я-то всегда смотрела на уровне глаз, а у нас, низкопосадочных, они в районе пола и глядят, а тут что-то выше скользнули. Батюшки! Да у них так места мало, что они уже вещи по стенам развешивают, наверное, потому что в шкафах не помещаются. Над диваном картинка какая-то с кораблём—с этой понятно, такая в шифоньере много места займёт. На другой стене ещё одна, но уже поменьше, там дядька на коне. Эту можно и в комод запихнуть, ну да ладно, ничего такой мужичок, нравится мне. А вот над моей лежанкой такое висит! Это я недавно заметила только, когда выяснила, что они фигню всякую в неположенных местах прибивают. И знаете, что там? Глаз! Вот честное собачье, глаз висит, а хозяина нету. Я как-то раньше глаза только на ком-то встречала, ну вот на собаках, людях, даже у этого зелёного имеются, и причём у всех по два! А вот этот висит такой огромный, бесхозный, да ещё и один. А к нему верёвочки всякие прикручены, ниточки, бусинки.

Я как увидала, так и застыла от страха, потом и поскуливать начала, причём сама не заметила как. А хозяйка тут как тут. Сняла страсть со стены, это для того, чтоб меня поближе с непонятностью познакомить, у неё метода такая завелась—всё, чего жуть как страшно и неизвестно, она мне поближе в своих руках показывает, чтобы я бояться перестала и новинку обнюхала со всех сторон: мол, она угрозы никакой и не представляет. Это она всё хорошо придумала, за сообразительность ей благодарность от меня.

Уж не знаю я, чей это орган надо мной расположился, но пахнет стеклом, а цвета синего. Он мне как-то без нужды, а вот верёвочки энти до умопомрачения как оторвать хочется, аж зубы сводит. А она в ответ: «Нельзя, это амулет от сглаза»,—и снова его на стену прикрутила. А у меня во рту привкус ниток остался, они так и манят своими телами длинными их откусить. Ну, я в скулёж, и тут на меня тяжёлую артиллерию пустили. Пришёл бородатый на важный разговор. Ох, не к добру. Пришлось сделать вид, что ничегошеньки меня и не интересует в этом их талисмане, пусть себе висит преспокойненько, дом сторожит сверху, а я внизу его охранять буду. Но когда бородатый не видит, я могу подолгу сверлить глаз, мечтать, что когда-нибудь мои грёзы исполнятся. Главное, наблюдать молча, чтобы они не догадались.

Несправедливости

А ещё у меня личный скарб имеется, ну, такой, что прямо только мой. Я когда по надобности к соседке перебираюсь, это мои в путешествия разные катаются по заграницам, он со мной едет. Диванчик личный, корм, поводок, одежда на три сезона и игрушки. Мне особенно мягкие такие по нраву, чтоб распотрошить можно. В этом и весь смак! Я когда первый раз корову увидела, у нас любовь с первого укуса была. Я отделяла голову от туловища целых пять часов, с перерывами на подкрепление. И вот когда оторвала и вытащила весь наполнитель, то такая радость меня обуяла, словно я пришла к финишу первая. А хозяйка утащила корову, позже я нашла ещё одну и снова одержала победу. Потом смотрю, опять корова. Да неужели они целое стадо купили? Справилась я и с этой.

А подхожу к хозяйке, а она корову мою оперирует, в головёшку её обратно внутренности напихала и пришивает на место. И тут меня догадка осенила, что я с одной и той же бурёнкой сражалась. Вот люди хитрые, да? А вдруг они меня ещё в чём обманывают? Надо бы присмотреться к ним.

Вы знаете, как написать заявление в полицию? Между мной и хозяевами инцидент произошёл, они теперь демонстративно закрывают двери на кухню и в комнату, когда уходят. Нет, вы только послушайте, что произошло, и сами посудите, что я жертва обстоятельств. Ну, когда они запирали зал, я ещё стерпела, хотя правда на моей стороне.

Купили они, значится, ковёр, да такой приятный на ощупь, словно травка молоденькая. На нём не то что писать приятно, а просто полежать. Присмотрелась я к обновке, правильно ли легла, верное ли место выбрано, не завернулся ли уголок, а потом к себе под диванчик заглянула. А там красотища теперь, убежище с травушкой под животом. Я сладко вздремнула, а потом забылась, где я, да на травушку и сходила, перебралась на сухое место и снова почиваю. А мои и не против были, за ушами гладят, спину чешут, всё как обычно. Ну, я ещё пару раз территорию пометила, чтобы ясно было, кому она принадлежит, и в сон.

А на следующий день бородатый что-то заподозрил, ко мне под диван наведался. И уж такой крик стоял, мамочки мои, что бежала я через чёрный ход, боясь на глаза попасться. Чего так орать-то?! Ты же мне нормальным языком объясни, что к чему и почему. Откуда же мне, неопытной, знать, что ковёр злополучный не для меня куплен, а для обстановки в квартире? Бить не били, но мордой к паласу приложили. Это у бородатого нравоучения такие—тыкать носом в нехорошие дела. Да я ваш ковёр на веки вечные запомню! Не такой уж он и приятный, если посудить, когда по ним мордашкой твоей водят.

Позвали они дядьку какого-то с порошками, он им ковёр чистил. Только у дядьки то ли средства были просроченные, то ли руки не оттуда росли, но запах мой выветриваться не желал, он поселился в квартире вместе с ковром и решил остаться. Дядька пришел и на следующий день, только снова ничего не вышло. Может, у меня троюродный дедушка скунс?

Наша любовь с ковром была недолгой. Он съехал на помойку два дня спустя, а его место заменил брат-близнец, купленный в том же магазине. С того момента вход без присмотра в комнату мне был заказан. Но посудите сами: в чём же я виновата, когда ковёр очень уж на траву похож?

А с кухней вообще несправедливость приключилась! Я дома одна была, а тут слышу голос из мусорного ведра: «Смотри в меня». Я сначала не поняла, к кому это обращаются, а потом решила подойти. А ведро высокое, так просто не посмотреть. Вдруг там кто в помощи нуждается?! Вдруг кто в беду попал какую?! Ну и как быть? Пришлось ведро перевернуть, а из него как вкусности посыпались: и косточки рыбьи, и кожица куриная, и шкурки от сала. Я даже в себя прийти не успела, как моя пасть набросилась на шведский стол и стала всё поглощать. Я глотала еду, практически не жуя, пока она не скрылась в моём желудке полностью, а потом занялась обычными делами—легла спать.

Ругани не было, у меня просто отняли воду на ближайший вечер и порцию нежности, выдаваемую по любому зову. Я была наказана безразличием со стороны своих людей. Хотя могу поклясться, что хозяйка была напряжена, боясь, как бы эти косточки не вышли мне боком. Но доступ в пищевой цех мне также закрыли. Но посудите сами: в чём же я виновата, когда бросилась на помощь голосу?

Да если бы могли, они б меня и улицы лишили! Узурпаторы. Гуляю я, как водится, дела свои обычные делаю, а тут на дороге косточка ароматная мне белыми боками подмигивает. Ну, я её сразу и схватила. Кто первый нашёл, того и премия. А люди на меня как зашикают: «Гадость эту плюнь»,— и сразу рядом оказались. Я решила финала не дожидаться и сделала как велено. А коли у меня другие взгляды на жизнь? Я стала умнее. Математике не обучена, но в расстоянии смыслю — мама не горюй. Иду себе на прогулочку, а тут что-то вкусное под лапами валяется, я так сразу глаз на выгульщика кошу: успеет ли добежать, пока я недозволенное себе дозволяю? Коли успеет — пиши пропало, приходится взглядом не выдать, что вижу лакомство наивкуснейшее, а как возможность есть, хватаю вкуснятину да бегу без оглядки в другую сторону, работая быстрее челюстями, чтоб спрятать понадёжнее в животе. А то догнали однажды да прямо из пасти всё выковыряли, так что сейчас стоять на месте не рискую.

Лапы для бега у меня, конечно, не очень приспособлены, но это дело я люблю. Выйдем на улицу, а там Чип гоняет, ну, кличка такая у собаки странная, как ключ, только Чип. И вот хочется мне косточки поразмять да в догонялки поиграть, ну и начинается тут. А он припустит на своих лапах так, что я и не поспеваю за ним, а самой не хочется в хвосте быть, будто лузер какой. Я ему вдогонку кричу: «А ну стой, стой, стой!» — а сама бегать не прекращаю. Уж не знаю, чего там со стороны так потешно, но хозяйка смеётся. Говорит: «Ириска от обиды, что не может догнать, так громко лает на весь двор». А как тут молча такое совершать, когда и правда обидно?